

Б. И. ВАЙНБЕРГ

К ИСТОРИИ ТУРКМЕНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ XIX в. В ХОРЕЗМЕ

Кочевой и полукочевой образ жизни большинства туркменских племен вплоть до установления Советской власти в Туркмении послужил причиной того, что в дореволюционной, а иногда и в советской литературе отрицалось существование туркменской народной архитектуры¹. Юрта часто считалась единственным жилищем туркмен. Появление у них оседлого жилища некоторые исследователи относили к периоду 1920—1930-х годов². В публикациях дореволюционных путешественников и исследователей Туркмении все же иногда, хотя и довольно скупо, описываются имевшиеся у туркмен, наряду с юртами, примитивные глинобитные постройки, «глинобитные ограды, около стен которых внутри расположены крытые конюшни, хлевы и загоны для скота; внутри такого двора ставится кибитка хозяина»³. Постройку их эти авторы чаще всего приписывают узбекским, таджикским или персидским мастерам. Южно-Туркменистанской археологической и Хорезмской археолого-этнографической экспедициями были обнаружены и исследованы памятники народной туркменской архитектуры, в том числе и оседлые жилища туркмен⁴. Довольно развитая и своеобразная архитектура была обнаружена не только у тех туркменских племен, которые издавна жили на одной и той же территории и занимались в основном оседлым земледелием

¹ А. В ам б е р и, Очерки Средней Азии, М., 1868, стр. 106; П. И в а н о в, Ю — к и б и т к а, «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 47, сл.; В. Л. В о р о н и н а, Народные традиции архитектуры Узбекистана, М., 1951, стр. 126, и др.

² П. И в а н о в, Основные типы жилища туркмен в переходный период, «Туркменоведение», 1930, № 11, стр. 7—9; его же, Хозяйственные приспособления туркменского жилища и дворовые постройки туркменского двора, «Туркменоведение», 1930, № 12, стр. 10—12.

³ «Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Составлено Ген. штаба кап. Гиршфельдом, переработано нач. Аму-Дарьинского отд. ген.-майором Галкиным» (в дальнейшем цит.: Гиршфельд и Галкин, Указ. раб.), ч. II, Ташкент, 1903, стр. 124; см. также М а к - Г а х а н, Военные действия на Оксусе и падение Хивы, М., 1875, стр. 262; И. Авдакушин, Санитарный обзор Аму-Дарьинского отдела с 1887 по 1891 г., «Материалы по характеристике Сыр-Дарьинской области», 1882, стр. 12; Е. Марков, Россия в Средней Азии, СПб., 1901, стр. 274; А. А. М и х а й л о в, Туземцы Закаспийской области и их жизнь, Асхабад, 1900, стр. 39—40, и др.

⁴ В. А. Л е в и н а, Д. М. О в е з о в, Г. А. П у г а ч е н к о в а, Архитектура туркменского народного жилища, «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» (в дальнейшем цит. ЮТАКЭ), т. III, М., 1953; В. А. Л е в и н а, Поздние туркменские поселения и жилье южного Туркменистана, Автореферат кандидатской диссертации, Ташкент, 1954; Г. А. П у г а ч е н к о в а, Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958; Б. В. А н д р и а н о в и Г. П. В а с и л ь е в а, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в., «Изв. АН ТССР», 1957, № 2, стр. 103—105; их же, Покинутые туркменские поселения XIX века в Хорезмском оазисе, «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР» (в дальнейшем цит. КСИЭ), вып. XXVIII, 1958, стр. 41—45; Б. И. В а й н б е р г и Г. С. К о с т и й, Гоклен-медресе, КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 100—109.

(али-эли, анаули, мурчали, нухурли), но даже у таких полукочевых в основном племен, как иомуты в Хорезме и теке в южной Туркмении и Хорезме. Теке и иомуты, прочно оседая на землю и развивая земледельческо-скотоводческое хозяйство (первые — в районе Атрека и Мервского оазиса, вторые — на западных границах Хорезмского оазиса), создавали оседлые жилища.

На большой пустынной территории левобережного Хорезма — в междуречье старых русел Дарьялыка и Даудана почти вплоть до Сарыкамыша — до сих пор сохранились полуразвалившиеся туркменские усадьбы и целые селения XIX в. К югу от Даудана они встречаются в урочище Уз. Изредка одинокие развалины таких же построек встречаются и среди колхозных полей к северу от Дарьялыка (до Айбугирской низменности). Результаты исследования этих поселений и излагаются в настоящей статье.

Архитектурно-археологическое обследование развалин туркменских построек и наряду с этим изучение разнообразных источников — данных хивинских хроник и архивов⁵, описаний путешественников и исследователей прошлого века⁶, картографического материала⁷ и этнографических сведений, полученных от стариков-туркмен современной Ташаузской области Туркменской ССР⁸, — позволили довольно определенно очертить границы расселения туркмен на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма в XIX в. и выяснить историю многочисленных туркменских поселений.

Туркмены, издавна тяготевшие к северо-западным районам Хорезма, с начала XIX в. получили возможность поселиться на окраинах Хивинского ханства, так как мощные прорывы амударьинских вод в старое русло Дарьялык позволили оросить здесь большие массивы старых залежных «земель древнего орошения». Значительная часть этих вновь освоенных земель была роздана в виде атлычных держаний за нукерскую службу туркменам⁹, с конца XVIII в. ставшим военной опорой утвердившейся в Хивинском ханстве Кунградской династии.

На всей этой обширной территории от Айбугира на севере до Заунгузских Кара-Кумов на юге и от чинка Устюрта и Сарыкамыша на западе до культурной полосы Хивинского ханства на востоке поселились турк-

⁵ Хроники Муниса и Агехи использованы по переводу в кн.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (в дальнейшем цит. МИТТ), т. II, стр. 323—638; извлечения из хроники Баяни в русском переводе даны в книге Я. Г. Гулямова «История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней», Ташкент, 1957, гл. VII; П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в., Л., 1940; Ю. Э. Брегель, Расселение туркмен в Хивинском ханстве в XIX в. (по материалам архива хивинских ханов), Сб. «Страны и народы Востока», М., 1959.

⁶ Наиболее ценны следующие описания: И. Г. Данилевский, Описание Хивинского ханства, «Записки Русского географического общества», кн. V, СПб., 1951; Гришфельд и Галкин, Указ. раб.; А. И. Глуховской, Пропуск вод р. Амударьи по старому ее руслу в Каспийское море, СПб., 1893; А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г., «Записки РГО по отд. географии», т. IX, СПб., 1881.

⁷ Из картографического материала наиболее ценна карта 1905 г., приложенная к книге Лобачевского «Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район», Ташкент, 1912.

⁸ В 1955—1956 гг. поселения туркмен XIX в. в урочище Уз и в районе Кандумкалы изучала Г. П. Васильева, ею же в течение ряда лет собран большой этнографический материал о расселении туркмен в XIX в. на территории современных Кунаургенского и Ленинского районов. В 1957 г. отряд Хорезмской экспедиции под руководством автора настоящего сообщения специально занимался изучением туркменских поселений XIX в. по Дарьялыку и в урочище Уз, причем, наряду с архитектурно-археологическим обследованием памятников, был собран значительный историко-этнографический материал по изучаемым районам.

⁹ Ю. Э. Брегель, Землевание у туркмен в Хивинском ханстве в XIX в., «Сов. востоковедение», 1957, № 3, стр. 123—137. Атлык (от слова «ат» — конь) — земельный надел, давался ханами туркменам за военную службу. Подробнее см. в указанной статье.

мены, в основном иомуты подразделения байрам-шали (родовые подразделения — салак, окуз, ушак, орсукчи) и часть иомутов подразделения карачока, или шериф-джафарбай (родовые подразделения — коджук, машрык, бага, бехельке). Лишь изредка встречаются поселения других туркменских племен: емрели, карадашлы, теке, сакар, чоудор.

В 1850-х годах, в период иомутского восстания, а затем вплоть до прихода русских туркменам описанных районов приходилось вести жестокую борьбу с ханами за землю и воду. Чтобы подчинить непокорных туркмен, ханы строили заградительные плотины на протоках, питавших водою Дарьялык, и таким образом лишали туркменские поля воды. И хотя туркмены часто разрушали ненавистные плотины, приток воды в эти районы непрерывно уменьшался и к концу XIX в. совсем прекратился.

В течение всей второй половины XIX в. туркмены использовали все прорывы амударьинских вод в Дарьялык (как образовавшиеся в результате разрушения плотин, так и немногочисленные естественные прорывы) для того, чтобы продолжать заниматься земледелием на освоенных землях, и упорно, до последней возможности держались за созданные ими оседлые поселения.

Первые описания покинутых туркменских поселений XIX в. в Хорезме приведены в работах Б. В. Андрианова и Г. П. Васильевой¹⁰. Типология поселений и жилищ в этих работах неточна и неполна, так как авторы ее располагали еще небольшим материалом, полученным в результате первых полевых исследований 1955 г. Сплошное обследование покинутых туркменских поселений XIX в., проведенное в большинстве районов на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма в 1956 и 1957 гг., позволяет в настоящее время пересмотреть предварительные заключения и дать более точную и полную типологию оседлых туркменских поселений XIX в. в Хорезме.

На территории «земель древнего орошения» левобережного Хорезма, освоенных туркменами в XIX в., бытовали три типа поселений: укрепленные родовые (родоплеменные) поселения (сенгир, кала); рассредоточенные сельские поселения так называемого —хуторского» типа (оба) и торгово-ремесленные поселения (базар).

Укрепленные родовые поселения

Поселения этого типа были основаны в периоды обостренных отношений с соседями (чаще всего казахами) или с ханским правительством. Большинство таких укреплений встречается на западной окраине Куни-Ургенчского района. Близ чинка Устюрта, откуда в начале XIX в. постоянно нападали отряды казахской феодально-племенной знати¹¹, сохранились развалины ряда иомутских укреплений. Из них Караул-кала, Эрез-кала и Чардере принадлежали иомутам родового подразделения салак, Кемки-кала — подразделению орсукчи кемки¹², Коджук-кала — подразделению коджук. Немного юго-западнее, в районе плотины Егенкыч на Дарьялыке находятся развалины укрепления машрыков — Машрык-сенгир, и др.¹³ (рис. 1, I).

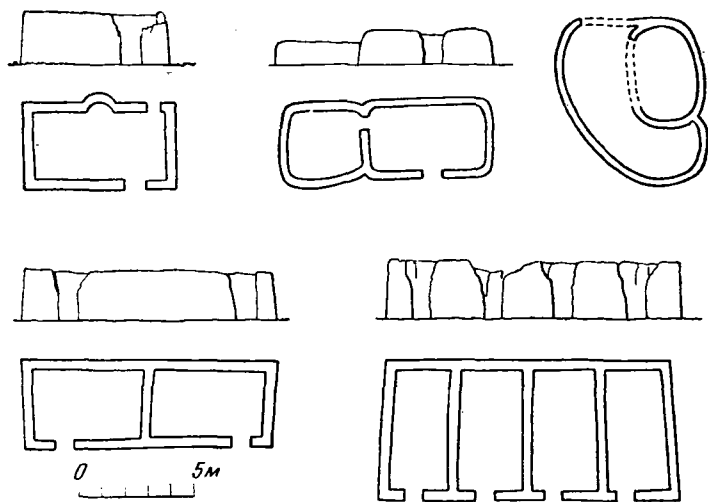
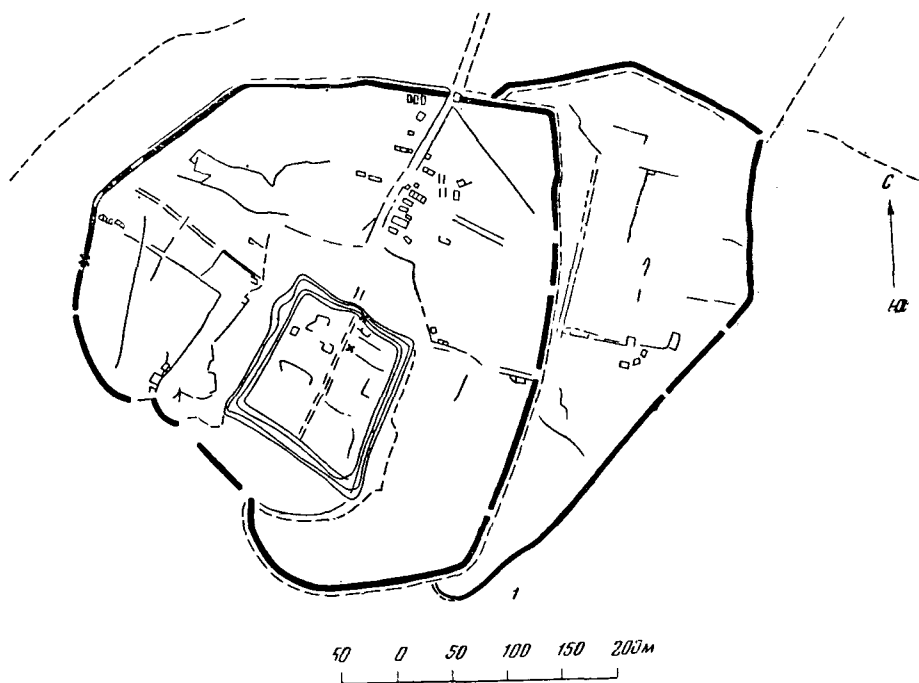
В первой половине XIX в. в урочище Уаз (на северной границе Заунгузских Кара-Кумов) в связи с обострением текинско-иомутской вражды

¹⁰ Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений, стр. 101—104; их же, Покинутые туркменские поселения..., стр. 41—44.

¹¹ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957, стр. 68.

¹² Г. П. Васильева, Итоги работ Туркменского отряда за 1948 г., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 453; Полевая запись автора, № 20 за 1957 г. (хранится в Ин-те этнографии АН СССР).

¹³ Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева, Указ. работы; Полевые записи автора, № 20, 24 за 1957 г.

2

Рис. 1. Укрепленное туркменское поселение. Теке-сенгир: 1 — план; 2 — типы построек внутри сенгира

возникло укрепление Теке-сенгир, служившее текинцам для защиты от поселявшихся в урочище иомутов (рис. 1, 2).

Вероятно, в период иомутского восстания 1850-х годов против хивинских ханов к югу от Дарьялыка, в районах наиболее интенсивного расселения туркмен, возникает ряд временных укреплений — сенгиров. Во время полевых исследований 1957 г. развалины сенгиров были встречены нами в районах поселения сакаров к юго-западу от Куня-Ургенча и в районе Ханабада. К северо-востоку от Мангыр-чардере обнаружен сенгир иомутов, упоминающийся в хивинской хронике¹⁴, и Емрели-кала — укрепление туркмен-емрели. Во второй половине XIX в. туркменских укреплений в этом районе было значительно больше, чем сохранилось до наших дней. На карте 1905 г.¹⁵ во многих местах к югу от Куня-Ургенча стоят пометки «сенгир», часто без всяких дополнительных названий; ряд укреплений, построенных иомутами, помнят здесь информаторы¹⁶. В западной части урочища Ат-крылган (район к югу от плотины Салак-бент на Дарьялыке) у рыка Орсукчи нами был обнаружен сенгир подразделения орсукчи, построенный, очевидно, в то же тревожное для туркмен время — в середине XIX в.

Некоторые из этих укреплений — такие, как Эрез-кала, Чардере, Кемки-кала, Коджук-кала, по описанию обследовавшей их Г. П. Васильевой, — небольшие глинобитные крепости. Внутри такой «кала» помещалось несколько юрт. Скот находился в загороженных местах под открытым небом или под навесами, устроенными у стен крепости¹⁷. Большей частью туркменские укрепления представляли собой глинобитные или обнесенные земляным валом и рвом крепости различных размеров и конфигурации. Внутри них располагались землянки, жилые и хозяйственные глинобитные постройки, чаще всего вытянутые в ряды, образующие таким образом отдельные линии. Землянки также были жилые и хозяйственного назначения (для скота, припасов и т. д.). Внутри этих укреплений нередко оставались места для установки юрт. В укреплениях, построенных, очевидно, в более короткий срок, преобладают землянки, внутренняя площадь гуще застроена, мест для юрт почти совсем нет. Так выглядят развалины сенгиров сакаров, сенгира иомутов в районе Ханабада, сенгира орсукчи в Ат-крылгане и наиболее поздняя восточная пристройка Теке-сенгира в Уазе. Крепостные стены туркменских сенгиров и кала сделаны из пахсы, они небольшой толщины (от 0,9 до 1,3—1,5 м), сверху сужены (до 50—40 см), стены вверху в некоторых случаях оформлены зубцами; снаружи укрепление почти всегда было обнесено рвом. Укрепления в плане чаще всего неправильные.

Жилища внутри сенгиров (если это не землянки) построены, как и большинство жилых построек Хорезма этого времени, из пахсы, перекрытия у них были плоские (в настоящее время от перекрытий ничего не сохранилось, остались лишь отверстия для балок), ширина помещений, обусловленная длиной балок, не превышает 3—4 м. Жилища в плане представляют собой чаще всего одно- или двухкамерные постройки, примыкающие друг к другу или стоящие на небольшом расстоянии. Встречаются и многокамерные дома, но число их в большинстве укреплений незначительно. Обычно одно из помещений дома служило жильем для семьи, здесь же хранили продукты и т. п., другое предназначалось для скота. Значительная часть населения, судя по хорошо сохранившейся застройке Теке-сенгира, сенгиров сакаров и орсукчи, имела однокомнатные дома. Построек общественного характера в описанных укреплениях, за редкими исключениями, нет. В Теке-сенгире и Машрык-сенгире сохра-

¹⁴ МИТТ, т. II, 563.

¹⁵ См. Лобачевский, Указ. раб.

¹⁶ Полевая запись автора, № 2 за 1957 г.

¹⁷ Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 453.

нились развалины небольших мечетей, включающих, кроме самой мечети, одно или несколько помещений. Вокруг большинства туркменских укреплений располагались поля с разветвленной системой ирригационных каналов.

Сельские поселения «хуторского» типа

Большинство туркменских поселений XIX в. в районе Дарьялыка, а также к северу и к югу от него — сельские поселения так называемого хуторского типа (оба), с раннего средневековья характерного для Хорезма. Этот тип селений возник и продолжал жить в Хорезме, как и в ряде других мест, в соответствии с социально-экономическими отношениями феодального общества. Обычно по ответвлениям больших каналов селились отдельные родовые подразделения туркмен. Родовой принцип расселения почти всегда строго соблюдался. Группа усадеб членов одного родового подразделения, расположенная вдоль одного канала, образовывала разбросанное селение, внутри которого усадьбы ближайших родственников находились поблизости одна от другой. Вообще усадьбы в таком селении обычно расположены на расстоянии от 50 до 500 м одна от другой, чаще всего вблизи магистрального канала. Рядом с усадьбой находились поля ее хозяев. Изредка на заброшенных полях можно видеть остатки низких (около 50 см) загоронок, некогда разделявших участки. Какого-либо общественного центра большинство туркменских поселений не имело. Базары в таких селениях отсутствовали; на базар ездили в основном в Куния-Ургенч и Актепе (ныне Ленинск). Развалины мечетей имеются лишь в немногих поселениях. Больше всего их встречено при обследовании поселений в урочище Уаз. Часто эти мечети были построены в усадьбах баев или ишанов (рис. 2, 24ж). Встречаются и мечети, подобные описанным выше, обнаруженным в туркменских укреплениях. В урочище Уаз существовали две купольные мечети. На территории, заселенной туркменами в XIX в., имелось несколько медресе, построенных в основном тогда же. Медресе эти являлись религиозными центрами довольно большой округи. Наибольшей известностью у туркменского населения пользовались Гоклен-медресе¹⁸ и Айлак-медресе (в северной части Уаза).

В селениях даже при беглом осмотре развалин обычно выделяются большие усадьбы одного или нескольких баев, державших в подчинении окрестное население. К богатым усадьбам примыкают и большие массивы полей. При обследовании туркменских поселений XIX в. мы столкнулись с довольно большим разнообразием во внешнем облике и планировке усадеб, поэтому предлагаемая ниже типология жилищ туркменских поселений «хуторского» типа намечает лишь основные линии развития туркменского жилища в Хорезме. Все многообразие туркменских усадеб Левобережья в XIX в. можно в общем виде свести к пяти основным группам (рис. 2).

1. Наиболее простыми по планировке были жилища бедняков (рис. 2, 1). Обычно это был одно-, двухкамерный глинобитный дом, ориентированный чаще всего входом на юг; иногда около него устраивали небольшой загон для скота, обнесенный невысокой пахсовой стеной (рис. 2, 2, 4, 6). В нескольких случаях встречены однокомнатные дома с айванами с северной и южной стороны дома (рис. 2, 8). Перед айваном ставили юрту. Наиболее бедные туркмены жили в землянках или полуземлянках с одним или двумя помещениями (рис. 2, 5). Описанные усадьбы не имели ни дворов, ни специальных хозяйственных помещений. Развалины таких усадеб встречаются во всех районах левобережного Хорезма.

¹⁸ См. Б. И. Вайнберг и Г. С. Костин, Указ. раб.

II. Довольно четкую группу образуют многокамерные дома с коридором, по одной или обеим сторонам которого располагались жилые и хозяйственные помещения (рис. 2, II). Состоятельностью хозяина определялись как размеры дома, так и число помещений. Коридор чаще

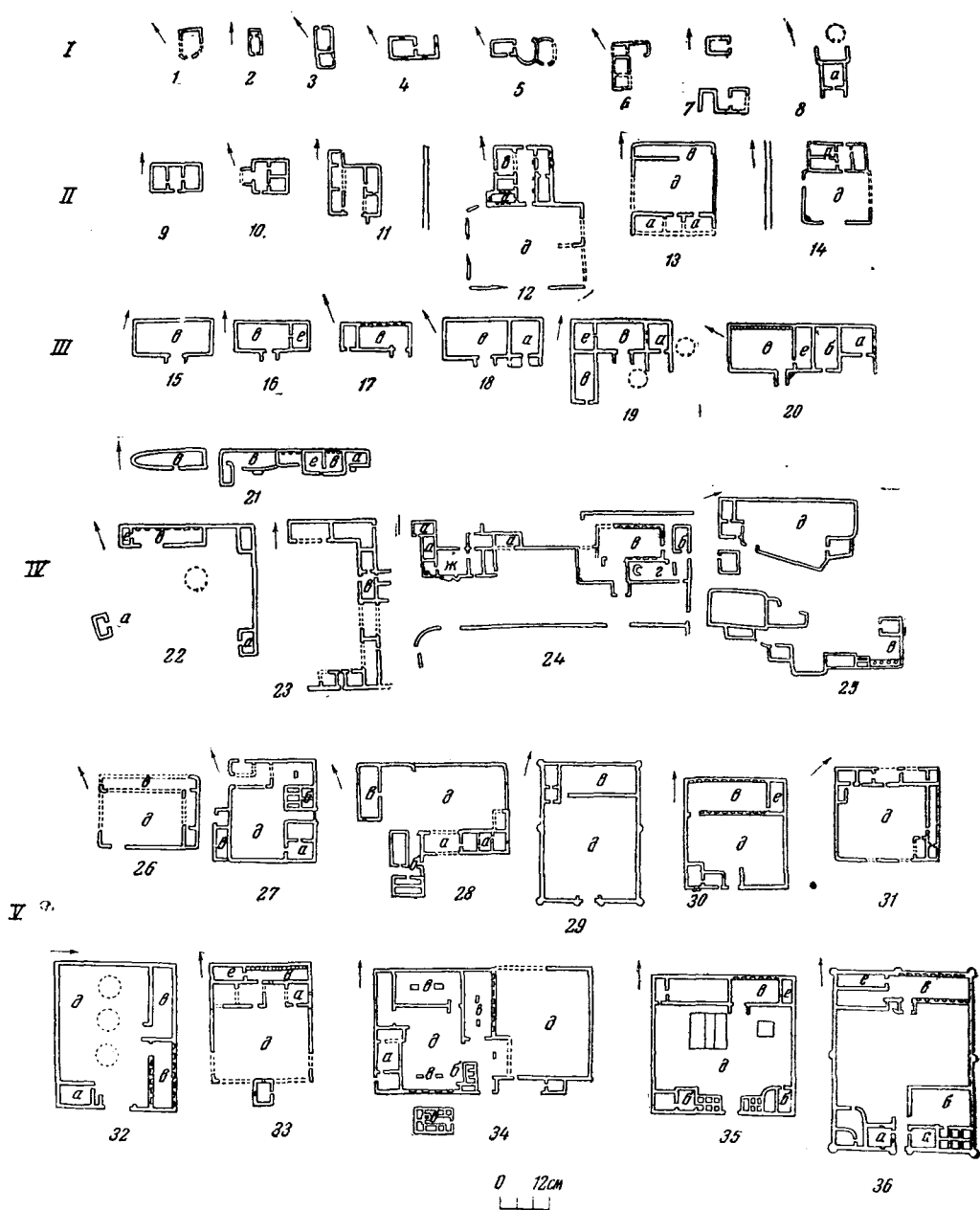

Рис. 2. Типы планировки туркменских жилищ в поселениях «хуторского» типа: а—жилые помещения, б—кладовые, в—помещения для скота, г—мельница (хараз-там), д—дворы, е—помещения для сена (саман-хана), ж—мечеть

всего был ориентирован меридионально, входом на юг. В некоторых случаях вместо коридора устраивали проходную комнату, в которую выходили двери из других помещений, чаще всего расположенных по одну сторону от проходного (рис. 2, 10). Иногда стены этого помеще-

ния или коридора делали выше стен соседних комнат и устраивали помещение со сквозной вентиляцией типа закрытых высоких айванов современного туркменского дома. Помещения, расположенные по сторонам коридора, в основном были жилыми или хозяйственными (типа кладовых); довольно редко в развалинах этих домов встречаются конюшни, хлевы, чаще же всего для мелкого скота к дому пристраивали дворы и загоны (рис. 2, 12—14). Большая часть жилищ описанного типа встречена в покинутых поселениях сакаров, в остальных районах они встречаются реже, совсем их не обнаружено при обследовании поселений урочища Уаз. Нужно отметить также, что этот тип туркменского жилища обнаруживает большую близость к современным жилищам туркмен-сакаров и эрсари, живущих в Чарджоуской области.

III. Даже при беглом знакомстве с покинутыми туркменскими поселениями выделяется группа одно-, трехкамерных построек, где жилые помещения часто отсутствуют (рис. 2, III). В простейшем виде основное место в такой постройке занимает обширная конюшня, вытянутая в широтном направлении, с кормушками у северной (северо-восточной) и частично южной стены, с широким входом вроде ворот в южной стене (рис. 2, 15). Вход обычно оформлен двумя выступающими стенками типа ант. Рядом с такой постройкой ставили юрту. Иногда в одной стороне конюшни выделено помещение для сена (рис. 2, 16). Наиболее развитый вариант усадьбы этого типа имеет уже небольшую жилую комнату, пристроенную чаще всего с восточной стороны (всегда почти справа от входа в конюшню); перед этой комнатой делали небольшой обращенный к югу айван с суфами по сторонам от прохода, ведущего к двери в комнату. Юрту ставили перед айваном (рис. 2, 18—20). Обычно длина комнаты с айваном равна ширине конюшни. Усадьбы такого типа строили добротнo, высота их почти всегда на ряд пахсы выше большинства усадеб, стены комнат над нишами иногда украшены. Среди обследованных развалин встречаются усадьбы описанного типа, усложненные позднейшими пристройками хозяйственных помещений, а иногда и дворов. Распространены усадьбы этого типа были в Ханабаре к северу от Мангыр-чардере, в районе Каттакар-чардере, в низовьях Сипай-яба и в селении айлаков в северной части Уаза. Как удалось выяснить у информаторов, а также из исторических и картографических источников, большинство таких усадеб принадлежало иомутам родового подразделения салак.

IV. Меньше всего поддается точной характеристике выделяемая нами группа туркменских усадеб с жилыми и хозяйственными постройками, расположенными либо в одну линию, либо под углом, иногда довольно разобщенно, при отсутствии двора или ограды, объединяющих все строения в один комплекс (рис. 2, IV). В этой группе мы встречаемся с разнообразием планировки, с большим количеством различных пристроек и переделками, изменившими первоначальный облик усадьбы. Встречаются такие усадьбы во всех районах покинутых туркменских поселений XIX в. Переходными от этой группы к следующей являются усадьбы, в которых жилые и хозяйственные постройки расположены вокруг какой-либо (квадратной, прямоугольной, неправильной в плане) площадки. Ограниченное постройками пространство представляет собой зародыш внутреннего двора, объединяющего все строения усадьбы (рис. 2, 22, 25).

V. В последнюю группу можно выделить усадьбы с двором и примыкающими к нему постройками, обнесенные высокой (в 3—4 ряда пахсы) глухой глинобитной стеной (рис. 2, V). Усадьбы этого типа различны по своим размерам и дают большое число вариаций в планировке, что чаще всего определялось состоятельностью их хозяев. По большей части это прямоугольная в плане усадьба, окруженная глухой глинобитной стеной, вытянутая меридионально, чаще всего со входом в южной (юго-восточной или

юго-западной) стене. Внутри вдоль стен усадьбы расположены, преимущественно в южной части, хозяйственные и жилые постройки; в центре во дворе помещали юрту (иногда несколько юрт); в северной части двора, у стены находились помещения для скота. Иногда они отсутствуют (рис. 2, 29, 30, 32). В усадьбах более богатых хозяев планировка усложнена, увеличивалось в первую очередь число и размеры помещений для скота, в особенности для лошадей и крупного рогатого скота. Иногда встречаются двухэтажные кладовые (телек), поставленные почти всегда на углу усадьбы или у входа (рис. 2, 27, 28, 34—36), реже — мельницы (хараз-там). Постройки и здесь располагали по периферии усадьбы, оставляя в середине незастроенный двор, где ставили юрты, иногда устраивали легкие загоны для скота; в ряде развалин найдены землянки для скота. Иногда внешние стены этих усадеб имеют ложные башенки (кунгре), придающие им облик древних маленьких крепостей (рис. 2, 29, 36); аналогичный прием бытовал у узбеков Хорезма, Самарканда и у туркмен южной части Туркмении¹⁹.

К этой же группе можно отнести и усадьбы, не имеющие такого правильного геометрического плана, а в силу подчинения рельефу местности или позднейших перестроек получившие неправильную конфигурацию; но они также обнесены стеной, и принцип расположения построек в них тот же. Часто в таких усадьбах можно отметить перестройки, производившиеся, очевидно, в связи с выделением новых семей, так как отдельные комплексы жилых и хозяйственных помещений здесь повторяются.

Усадьбы немногих крупных туркменских баев строились специально приглашенными узбекскими мастерами. Они по внешнему облику смыкаются с описываемой группой; это такие же прямоугольные в плане усадьбы, обнесенные глинобитной стеной, чаще всего с ложными башенками (кунгре). Внутри эти усадьбы обычно разделялись идущим от входа коридором на мужскую и женскую половины (чего не отмечается в других туркменских усадьбах) с многочисленными жилыми и хозяйственными помещениями. Имеются помещения без крыш или двора, где ставили юрты. В глубине усадьбы отделяли двор для скота, либо ставили крытую конюшню с саман-ханой (помещением для сена). Иногда часть хозяйственных строений перенесена тоже в эту часть двора.

Строительным материалом для жилых и хозяйственных построек туркмен и в этих поселениях служила пахса. Стены возведены без фундамента. В усадьбах наиболее состоятельных хозяев над первым невысоким слоем пахсы сделана изолирующая от грунтовой воды и солей прокладка из камыша или мелкого хвороста. Наружная и внутренняя поверхности стен заглажены, но изредка их поверхность покрыта мелким рифлением из вертикальных желобков (делали это по сырой глине). Другие украшения встречаются редко (о них см. ниже). По сведениям, приводимым информаторами, перекрытия в помещениях были плоские, балочные. Поверх балок клали иногда циновки, чаще крупные прутья и хворост; сверху насыпали небольшой слой земли, после чего все это обмазывали глиной. В перекрытиях, обычно посередине, делали отверстие (туйнук) для освещения и выхода дыма. Очаги в помещениях были большей частью открытые, в развалинах от них почти не сохранилось остатков. В богатых домах иногда встречаются каминь (мор) с дымоходом в толще стены (в селении айлаков в Уазе, в Ат-крылгане). В усадьбах туркмен XIX в. при всем разнообразии их планировки в различных комбинациях сочетались следующие элементы:

1. Одно или несколько небольших по размерам жилых помещений (рис. 2, а). В очень немногих усадьбах жилые помещения отсутствовали, их полностью заменяла юрта. Во всех домах,

¹⁹ В. Л. Воронина, Указ. раб., стр. 42, 47; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченков, Указ. раб., стр. 67—70.

кроме самых богатых, в этих же помещениях принимали гостей. В усадьбах, где не было отдельных помещений для хранения припасов, жилая комната служила и кладовой. В стенах этих помещений встречаются разнообразные по форме и размерам ниши, расположенные на разной высоте в пределах человеческого роста. Над нишами на стене прорезывали орнамент. Иногда встречается мотив бараньих рогов.

2. Помещения для скота (рис. 2, в) также составляли необходимую часть туркменских усадеб. Разнообразие и размеры их зависели от состоятельности хозяев. В бедных усадьбах, хозяева которых имели минимальное количество скота, — это всего лишь небольшое помещение или даже невысокая загородка, примыкающая к жилому строению. Не только в бедных, но иногда и в более состоятельных хозяйствах помещением для скота служила полуземлянка (дөле), надстроенная одним, реже — двумя рядами пахсы. У наиболее бедных хозяев помещений для скота совсем не было. В более состоятельных домах для скота строили крытый хлев, а нередко и отдельное помещение для сена (саман-хана) (рис. 2, е). С увеличением достатка хозяев увеличивалось число помещений для скота. Отдельно ставили конюшни и помещения для крупного рогатого скота с кормушками (ахыр) вдоль стен. Чаще всего в этих районах ахыры делали на высоте около 70—90 см в виде выемки в толще стены до самого ее верха (размером 70—100×30—50 см), трапециевидные или прямоугольные в плане. Помещения для овец кормушек не имели и обычно отделялись от конюшен и помещений для крупного рогатого скота. Кроме этих постоянных и закрытых помещений для скота, иногда невысокой стеной внутри двора или вне его отгораживали загоны.

3. Далеко не во всех усадьбах имелись специальные кладовые (телек) (рис. 2, б). Существовало несколько типов таких помещений. Часто это была просто отдельная комната с разнообразными нишами в стенах; иногда часть ее площади или вся кладовая делилась на отдельные закрома (ахыр), где хранилось зерно и пр., с невысокими (до 70 см) глинобитными перегородками. В таких помещениях, как, впрочем, часто и в жилых, над полом в стенах делали небольшие отверстия для вентиляции; в холодное время года их замазывали. Наиболее интересны двухэтажные телеки, встречающиеся в разных районах. Их обычно ставили на углу усадьбы, а иногда и вне ее стен. Входили на второй этаж по глинобитной лестнице (текчек), пристроенной к телеку. Зерно и другие продукты чаще всего хранили в закромах описанного типа на втором этаже, что предохраняло от сырости и грызунов. Среди всех построек хорезмских туркмен только на этих двухэтажных телеках встречается прорезанная по глине в виде геометрических фигур орнаментация на внешней стороне стен, это выделяет такие телеки из всех построек и позволяет предположить, что орнаментирование их представляет собой реликт какого-то древнего обычая, связанного с помещением, где хранились основные пищевые продукты²⁰.

4. Внутри усадеб состоятельных туркмен имелись иногда помещения для мельниц (хараз-там) (рис. 2, г), где на круглом глинобитном возвышении устанавливали мельничные жернова, приводимые в движение животными. Нередко хараз-там строили за пределами усадьбы вблизи ее стен.

5. Во многих усадьбах туркмен имелись дворы (рис. 2, д), обнесенные глинобитной стеной; вдоль стен их располагались жилые и хозяйственные постройки, а внутри ставили юрты.

6. Юрта продолжала широко бытовать у туркмен в XIX в. В большинстве усадеб во дворе или, при отсутствии его, у стен дома можно и

²⁰ В южной Туркмении этот обычай орнаментации двухэтажных кладовых тоже бытует. См.: В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 69; Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 462.

сейчас обнаружить следы площадок, на которые ставили юрты. Лишь самые бедные хозяева не имели юрт. Иногда в усадьбе ставили несколько юрт, чаще всего чтобы отделить женатых сыновей.

7. В некотором отдалении от глинобитного жилища и юрты, а иногда даже вне пределов двора усадьбы (если он имелся) устраивали кухонные очаги и тамдыры (очаги для выпечки лепешек); последние иногда выносили на значительное расстояние от усадьбы. Среди развалин встречаются остатки сделанных над землей тамдыров, бытующих и теперь у туркмен Хорезма, а также «землянные тамдыры», полностью заглубленные в грунт.

8. Для дополнения общей картины туркменских поселений нужно отметить еще поставленные полукругом с южной стороны чигирей пахсовые стены с опирающимся на них навесом, служившие для защиты работавших у чигиря людей и животных от солнца. Иногда близ чигирей вместо такого навеса имелась землянка (полуземлянка) или небольшой пахсовый дом в одну комнату, так как чигири чаще всего устанавливали вдали от жилья.

Торгово-ремесленные поселения

Третий тип туркменского поселения, так называемый базар, в XIX в. не получил распространения в Хорезме. Во время полевых исследований 1957 г. к северо-западу от Куня-Ургенча, в низовьях канала XIX в. Есаулбаши, близ крепости Кызылча-кала нами были обнаружены развалины неизвестного поселения такого типа.

Рис. 3. Базарный поселок у Кызылча-кала. Часть южной улицы

Как удалось выяснить путем сопоставления сведений, полученных от информаторов, с данными, приводимыми Ф. Базинером и А. В. Каульбарсом, а также с картографическим материалом и результатами обследования развалин²¹, «базар» у Кызылча-кала был создан туркменами в начале 1830-х годов, вероятно при содействии, а возможно и по инициативе ханского правительства (построившего здесь даже резиденцию хакима) в противовес русскому укреплению Ново-Александровскому, находившемуся на берегу залива Мертвый Култук на Мангышлаке. Этот «базар» должен был способствовать укреплению экономических связей туркмен Устюрта и северо-западных окраин Хорезма с Хивинским ханством и помешать укреплению русско-туркменских отношений. В связи с ликвидацией русского укрепления в конце 1830-х годов, вероятно, потерял значение и «базар» у Кызылча-кала, и к 1842 г. он был уже заброшен²².

«Базар» у Кызылча-кала, в противоположность всем подобным поселениям в ханстве, — неукрепленное поселение с четкой планировкой: че-

²¹ См. П. С. Савельев, Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву, «Географические известия», 1849, № 4, стр. 164; А. В. Каульбарс, Указ. раб., стр. 406; «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 72; Карта Средней Азии, составленная по новейшим сведениям, гравирована при военно-топографическом депо, 1863. «Генеральная карта Оренбургского края и частей Хивинского и Бухарского владений», составлена при генеральном штабе отдельного Оренбургского корпуса и гравирована в военно-топографическом депо, 1851.

²² П. С. Савельев, Указ. раб., стр. 164

тыре параллельные улицы, пересекаемые идущей перпендикулярно им магистральной улицей, упирающейся в дом хакима.

В этом селении, кроме усадьбы хакима, построенной по типу ханских резиденций, но гораздо скромнее, было около ста домов, подобных описанным выше туркменским жилищам (рис. 3), одна небольшая мечеть, два караван-сарая, расположенные на окраинах селения. Планировка жилищ «базара» довольно разнообразна (рис. 4); иногда она сходна с описанной в селениях «хуторского» типа. Около 10—15% домов имеет такую же планировку, как жилища выделенной нами группы II в селениях «хуторского» типа (рис. 4, I, 2, 4, 5; II, 7). Не менее 30% жилищ сходны

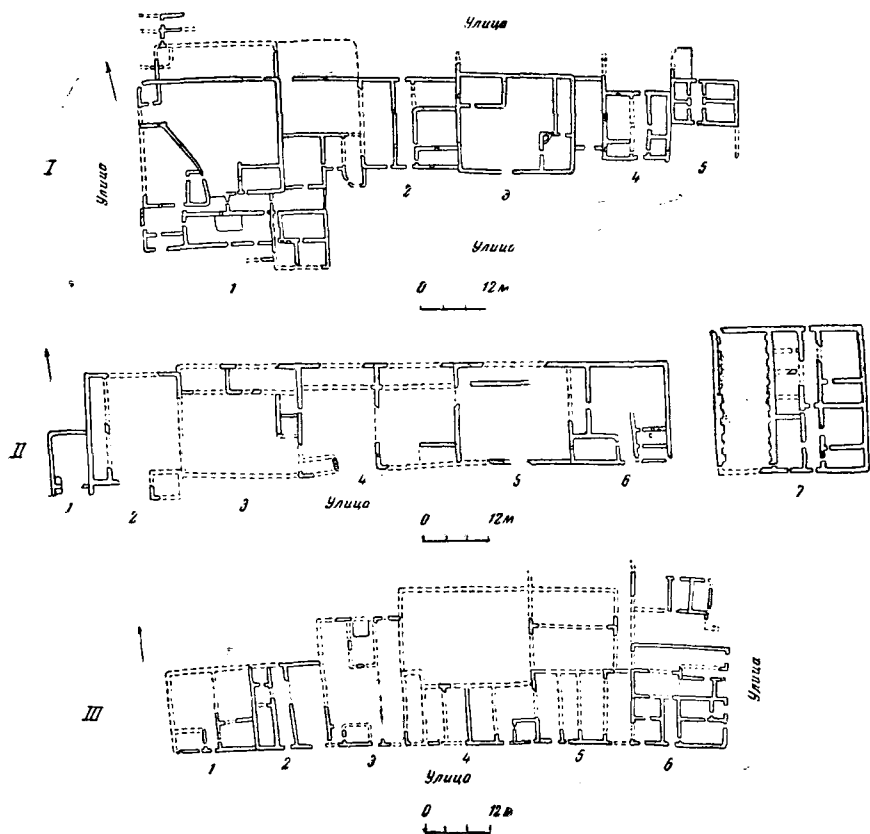

Рис. 4. Типы планировки кварталов в базарном поселке у Кызылча-кала

с группой V усадеб тех же селений. Во дворах этих усадеб, вероятно, ставили юрты, так как жилые помещения нередко отсутствуют или сведены к минимуму (одной небольшой комнате) (рис. 4, I, 3; II 2—6).

Третья группа жилищ, тоже довольно многочисленная, выделяется не совсем четко. Это ряд нешироких и длинных помещений, иногда расположенных по периферии двора, чаще же примыкающих друг к другу (рис. 4, III, 3—5). Длинные помещения иногда делятся поперечными стенами. Назначение этих помещений иногда неясно, вероятнее всего это по большей части жилые и производственные помещения. С этими помещениями часто связаны большие дворы, где помещался скот.

Остальные дома не представляется возможным объединять в какие-либо группы по типу планировки из-за их многообразия. Нередко планировка жилища подчиняется конфигурации места, оставшегося при застройке квартала, есть дома со сложной и асимметричной внутренней

планировкой, с различными жилыми, хозяйственными и производственными помещениями (например, рис. 4, I, I). В ряде мест селения сохранились следы ремесленных производств: гончарного, железодельного, хлебопечения. Вдоль магистральной улицы и большинства поперечных были построены айваны, на которых велась торговля.

* * *

Подводя итог нашему описанию, можно с полным основанием отметить, что туркмены на «землях древнего орошения» левобережного Хорезма создавали в основном сельские поселения «хуторского» типа; застройка немногочисленных укрепленных поселений (кала, сенгиров) вызвана была политическими причинами; торгово-ремесленные помещения не получили развития в XIX в.

Вопрос о появлении тех или иных типов туркменских жилищ очень сложен и не может быть решен в отрыве от изучения этнической истории туркменского народа. Хотя на рассматриваемой территории и жили туркмены разных племенных групп, выделить жилища, характерные лишь для отдельных племен, нельзя. Жилища гокленов, емрели, карадашлы сходны с жилищами иомутов — наиболее многочисленного туркменского племени в Хорезме; возможно, это вызвано не только длительным совместным проживанием этих племен, но и какими-то более глубокими связями, возникшими в процессе смешения племен и образования туркменской народности. Несколько обособленную группу представляют, как указывалось, жилища сакаров, что находит, возможно, свое объяснение в разных путях исторического развития иомутов и сакаров²³. Вероятно, это племя сохранило в планировке жилища очень древние традиции, роднящие его в большей степени, чем любое другое туркменское жилище, с узбекским, хотя сакары и не имели близкого культурного контакта с узбеками.

В различных районах «земель древнего орошения» встречаются развалины усадеб почти всех типов; в двух районах — урочищах Уаз и Уришан-баба (последнее к югу от Куны-Ургенча), находящихся в более суровых природных условиях, окруженных песками, строили в основном более замкнутые усадьбы, обнесенные высокой глинобитной стеной, что, по-видимому, предохраняло население от песка при частых ветрах.

Выяснение, там, где это было возможно, родовой принадлежности бывших хозяев иомутских усадеб, позволяет отметить, что у салаков в ряде районов преобладала особая планировка усадеб (выделенная нами группой III), что, возможно, связано с происхождением этой родовой группы, отличным от происхождения других иомутских родов. В связи с тем, что вопрос о сложении и историческом развитии племени иомутов пока еще неясен, нельзя сказать ничего более определенного и о происхождении салакского жилища, тем более что в известных нам памятниках жилой архитектуры древних и современных народов Средней Азии аналогий ему мы пока не обнаружили.

В памятниках народной туркменской архитектуры XIX в. других районов мы находим ряд общих черт с туркменским жилищем Хорезма того времени; ближе всего по типу планировки и внешнему облику многие усадьбы хорезмских туркмен и эрсаринцев приамударьинских районов²⁴.

Несомненны связи туркменской и узбекской народной архитектуры Хорезма (сходство отмечается во внешнем облике усадеб, иногда в планировке), но меньше всего здесь можно говорить о заимствовании турк-

²³ См. Г. И. Карпов, Этнический состав туркмен, Кандидатская диссертация, Ашхабад, 1942, стр. 131—133. (Хранится в библиотеке имени Горького при Московском гос. ун-те.)

²⁴ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, Указ. раб., стр. 28—35, 65—69.

менами у узбеков опыта строительства, так как связи эти имеют древнюю основу. В планировке и узбекских и туркменских усадеб XIX в. прослеживаются генетические связи с усадьбами населения раннесредневекового и средневекового Хорезма. Туркменские усадьбы с двухэтажным телеком восходят, по всей видимости, к усадьбам с каптар-ханой и афригидским замкам с донжонами²⁵.

Можно отметить еще одну древнюю традицию, сказывающуюся в туркменском жилище XIX в. В древнейшей части огузского эпического сказания «Китаб-и-Коркут»²⁶ сохранилось описание жилища Салор-казана, полностью приложимое к типичным туркменским усадьбам, обнесенным общей стеной, с небольшим числом построек внутри (группа V). Как и в усадьбах туркмен XIX в., жилище Салор-казана имело ограду, о чем свидетельствует неоднократное упоминание ворот²⁷. Из обращения Салор-казана к разрушенному жилищу можно сделать бесспорный вывод о существовании «внутри ворот» каких-то построек, кроме стоявшего там шатра; особо отмечается «черная кухня» и «место, где сидела мать» Салора²⁸. О наличии таких построек свидетельствует упоминание о том, что после того как жилище Салор-казана было покинуто и шатры сняты, песок мог засыпать какие-то оставшиеся части поселения.

С. П. Толстов, исследуя города гузов, отмечал, что представление о характере кочевого хозяйства тюркских народов должно быть уточнено²⁹. Представление о чисто кочевом быте огузов в X—XI вв., позднее и туркмен, сложилось по отчетам чужеземных наблюдателей, которые в первую очередь отмечали несвойственные их собственному быту черты — легкую подвижность населения и наличие кочевых жилищ, развившихся из потребностей полукошевого скотоводства и земледелия. Огузская традиция возведения огороженных усадеб с небольшими постройками и юртами внутри, продолжавшая жить у туркмен в XIX — начале XX в., несомненно должна была существовать в некоторых районах в течение всего средневековья, но, к сожалению, до нас не дошли памятники туркменской жилой архитектуры, созданные ранее XIX в.

Дальнейшие исследования по этнической истории и материальной культуре туркмен позволят, вероятно, разрешить вопрос о происхождении отдельных типов туркменского жилища и еще ярче покажут самобытность народной туркменской архитектуры.

SUMMARY

Recent investigations by the South Turkmenian Archeological Expedition and the Khwarizm Archeological and Ethnographical Expedition have refuted the view denying the existence of permanent dwellings among the Turkmenians and the very existence of a Turkmenian architecture. In 1955-57 surveying parties of the Khwarizm Expedition studied the deserted 19th century Turkmenian settlements, ruins of which still remain on the «ancient irrigated lands» in Khwarizm on the left bank of the Amu-Darya. Information about these settlements was also obtained from some of the older men of Tashauz Region in Turkmenia. The data collected has made it possible to reconstitute the history of the Turkmenian settlements, as well as the geographical location of the tribes and clans in the area.

In the past century the Turkmenians inhabiting this territory had three types of settlements: the walled settlements of a clan or tribe (the sengir or kala), built in the

²⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 128—153, 158—159; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 191—209, 278.

²⁶ В. В. Бартольд, Китаб-и-Коркуд. Текст и перевод раздела «Рассказ о разграблении дома Салор-казана», «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», т. XII, вып. 4, СПб., 1900; «Деде Коркут», Перевод В. В. Бартольда, Баку, 1950.

²⁷ В. В. Бартольд, Китаб-и-Коркуд, стр. 38; «Деде Коркут», стр. 29.

²⁸ В. В. Бартольд, Китаб-и-Коркуд, стр. 50—51; «Деде Коркут», стр. 31.

²⁹ С. П. Толстов, Города гузов, «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 100.

periods when the Turkmenians waged wars against the neighbouring peoples or rose up against the rule of the khan; rural settlements with the dwellings spread over a large area, rather in the manner of farmsteads (the oba); and, lastly, settlements of traders and artisans (the bazar). The latter type was practically non-existent among the Turkmenian population of Khwarizm in the 19th century; only one such settlement was discovered near the fortress of Kizylcha-kala.

The present article considers the types of dwellings within each type of settlement. The walled settlements consisted mainly of small clay houses divided into a row of rooms, as well as dugout and semi-dugout dwellings. The rural settlements of the second type present five types of farmsteads. The bazar dwellings near Kizylcha-kala are rather similar in appearance and planning to those of the rural settlements.

The study of the deserted 19th century Turkmenian settlements on the «ancient irrigated lands» of left-bank Khwarizm has led to several important conclusions. The Turkmenians of different tribal groups and clans, it appears, built similar types of dwellings; the only exception are the dwellings of the Sakars and some of the Salaks, a group of the Yomud tribe; this is explained by the specific historical development of these groups of Turkmenians. The relation between the Turkmenian and Uzbek popular architectures in Khwarizm has been established beyond doubt, based as it is not on borrowing but on common traditions dating from early medieval architecture.

Judging by the description of Salor-kazan dwellings contained in the old Oghuz epic of «Quitab-idede Korkut», a certain type of Turkmenian farmstead shows traces of affinity with Oghuz dwellings.

The traditions of Turkmenian popular architecture of the past century have been developed in present-day Turkmenian dwellings in Khwarizm.
